

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

Артем Веселый распахнул окно, через которое на читателя глянули люди-вихри, люди-ураганы, люди-смерчи. Молодой автор почти не замечал осмысленных, коллективно-организованных носителей революции.

Между темпераментом молодого беллетриста и людьми-вихрями было родство. Было пристрастие к ним у Веселого Артема. Он обрывал рассказы об их судьбе в тот момент, когда революция выключала их из своего обихода («Реки огненные», «Вольница»).

В романе «Страна родная» Веселый становится сдержаннее. Больше тщательности и продуманности и в выборе фигур. Затронута тема большей общественной значимости.

Автор подошел к годам гражданской войны со стороны некоторых решающих внутренних процессов. Он пытается раскрыть борьбу уездного городка Ключевина (где мукомольни, лесопилки, макаронные и обувные фабрики питали революцию) с тараканными, иконными, лучинными деревнями в переломные 1918—1919 годы. Его стремительная художественная мысль получает крепкий социальный упор. Он начинает прощупывать фигуры и начала организованные и ту среду, которая эту организованность питала.

Он уже не так увлекается своими ураганскими героями, умеет развенчать их. И развенчивает. Потому что понял бессилie их силы, художественно уловил социальную обреченность их асоциальных притязаний.

Он сочетает здесь подбор и передачу отдельных фигур с изображением массовидных явлений, вещей и событий. Действующими лицами в большей мере являются именно такие массовидные явления: деревни, волости, казармы, избы, дома, улицы, заводы, уезды, город, переданные огулом, скопом, потоками.

За огулами, скопами, потоками часто теряются характернейшие фигуры крестьян, инструкторов, укомщиков, исполкомщиков, начальников «дезерционных» отрядов, «командиров крестьянского народа».

Отсутствие пропорциональности в передаче отдельных фигур и отдельных явлений и событий рождает порой впечатление обильного мрака, падающего на

тыл гражданской войны, чересчур заслоняет просветы в созидательное будущее. Просветы с трудом, но с убедительностью отмечены Артемом Веселым.

Он развенчивает анархистские фигуры и дает образы осмысленных подмастерьев революции.

В деревенском тылу, в самой глухой его глубине комбедовский инструктор Филька Великанов. Веселый разоблачает его весьма трезво и с большим юмором.

Филька через некоторое время составляет «доклад вкратцах» о своей деятельности:

«И пришлось мне собрать всех грамотных человек десять на деревне и выбрал я из них председателя и секретаря, а остальных членами назначил и объявил о присоединении их деревни к Советской России. Бабы давай плакать, мужики креститься, а председатель — солдат Судьбищин — закрутил ус, смеется: не робей православные, помирать так всем вместе, и открытым голосованием на месте порешили переименовать в мою честь Урайкину деревню в Великановку.

Тогда пришлось мне тряхнуть портфелем и вытащить инструкцию о комбедо»...

В одной из деревень Филька провел время очень весело, и «множества народу, как мужиков, так и баб высыпали на улицу провожать меня и по моей просьбе хором спели похоронный марш в честь моего отъезда».

В честь этой фигуры и сам автор играет похоронный марш, вытряхивая «беспокойного» Фильку из инструкторского тулупа.

В противовес Филькам он рисует Капустина — предисполкома, который работает бдительно и держит на-чеку все свои контролирующие и организующие особенности. Он держит битых два часа просителя, выпытывая мелочи деревенского житейства-бытья. Он утирает «продкомиссаровские слезы», утихомиривает недовольство рабочих, получивших в счет зарплаты по пяти аршин подопрелого сукна, возвращает на постройку моста путем дипломатической хитрости инженера Кипарисова, оскорбленного в его «святая святых» военкомом. Он выполняет наряды центра по разверсткам, мобилизациям. Он проводит поездки и сламывает сопротивление крестьян, которых поджигают «кулаки и кулачишки и капитал - кулаки всех сортов и мастей», устроивших свою фракцию в клозете. Он приостанавливает, совместно с секретарем укома Павлом Гребенчиковым, волынку рабочих депо, два месяца не получавших пайку и по неделям не выдавших хлеба.

В «Реках огненных» стихия торжествует, подбираясь даже к машине, пытаясь опрокинуть ее. В «Стране родной» победителем выходит город, машина, организаторы революции, расчетливые строители.

Но и в «Стране родной» Веселый, как художник, все же часто появляется в напаве партизана, с перехваченными на-

крест через плечо пулеметными лентами слов, образов, возгласов. Чрезвычайно хромает архитектура. Порой нет увязки между главами. И нет точности и расчисленности в построении. При изображении огульных явлений он слишком часто дает волю глотке в «33 диаметра» какой обладает один его партизан Гришка.

В новом еще незаконченном романе «Россия, умытая кровью» действуют тоже фронты, теплушки, эшелоны, базары, базареты. Над ними вырастают, подымаются две фигуры: «старого бою солдат» Максим Кужель и бывший матрос, затем красногвардеец — Васька Галаган.

Максим Кужель — крестьянин-работяга. Война ожесточила его, превратила в рубаку. Он начинает терять человеческий облик. В нем просыпается слепая месть. Первая революция рождает у него надежду, пробуждает мечту о работе, о семье, о земле, делает его солдатским делегатом, посылает в комиссию по выборам в учредительное собрание.

Кужель присматривается, приглядывается осторожно, деловито к вздыбленному фронту, прислушивается к голосам Октября, перекатывающимся по окопам, прислушивается к самому себе.

Большая работа начинается в его медленно проясняющемся мозгу. Он чует «ключ» из уст красногвардейца Галагана: «Рабочий пошел буржуя бить, мужик пошел помещика громить, а вы фронт ломали и катите домой. Наша большевистская партия, товарищи, дорогом стоит... партия без фокусов».

Кужель и Галаган сближаются. В первых отрывках дано их движение полустихийное, полусознанное по тяжким, страшным, неустроенным дорогам, по которым сахарники, пекаря, кожевники, рабочий люд страны тронулся в октябре.

Надо полагать, что Веселый в этом романе пойдет дальше «Страны родной», подойдет вплотную к городским, рабочим, ведущим коллективам, утвердившим в стране плано-созидательное, организованно-творческое начало.

Дать это, конечно, труднее, чем давать сплошняки, огулы, стихийные множества, но зато и благодарнее. Следует быть справедливым: из молодых Веселый первый заставил художественно звучать и действовать сплошняки и вихревые массы. Они звучат у него полно, своеобразно, мощно. Но гул их утих, он ушел вглубь истории. Тон уже на заре гражданской войны стали задавать дисциплинированные коллективы. Ясная, точная строительная воля их привела всю страну в движение планомерное, медленное, созидательное.

Движение и жизнь и борьбу этих новых исторических массивов Веселый может и должен заставить звучать и действовать также своеобразно, полно и сильно, если намеревается художественно раскрыть новую историческую правду.

С. ПАКЕНТРЕЙГЕР